

могут донести жанровое своеобразие пьесы, решить его наиболее остро и в то же время органично. Как в «Амангельды» режиссура и актеры создавали спектакль определенного жанра, «героическую драму», так и в «Скупом» — они работали именно над комедией, они стремились не обытовить, не измельчить ее, а донести во всей неприкосновенности, заострить, сделать живой для нашего зрителя тему «Скупого».

Правда, иногда, в верном стремлении непременно раскрыть своеобразие жанра пьесы, режиссер и актеры подчас шли по пути создания «комедии вообще», образов, которые можно перенести в любой комедийный спектакль, в другую мольеровскую пьесу. Такова в спектакле Фрозина (С. Майканова) — традиционная «разбитная вдова» в затейливом чепце, в безвкусно-ярком платье, заигрывающая со всеми мужчинами. Таков Лафлеш—слуга Клеанта (С. Тельгараев) — традиционный «плут» с его гримасами, неуклюжими движениями, смешной толстенькой фигурой в чепе. А рядом — живые, интересные люди: беспомощная глупенькая Марианна (Ш. Жандарбекова) с пушистым облачком светлых волос вокруг розового, наивного, кругленького личика, властная и жеманная Элиза (Х. Букеева), настоящая дочь Гарпагона, ни перед чем не останавливающаяся для достижения своих целей, и, наконец, сам Гарпагон (К. Кармысов) — смешной и отвратительный старик с паучьими пальцами, которые все время шевелятся, точно считают деньги, с потухшими, ввалившимися глазами и крепкими белыми зубами.

Казалось бы — из мольеровской пьесы легко создать спектакль, наполненный тем, что называется «театральщиной», уснастить его всевозможными танцами, песенками, интермедиями. Такой спектакль мог бы доставить удовольствие зрителям, но никак не мог заставить их задуматься над судьбами героев, всерьез возненавидеть Гарпагона. А в спектакле казахского театра зрители относятся к Гарпагону—Кармысову с интересом и в то же время с настоящей ненавистью, так как видят в изображении Кармысова настоящего человека, живой характер, который развивается в чисто комедийном плане. Гарпагон у Кармысова не только скуп—он сластолюбив, он жесток и бездушен, он изломал, изуродовал жизнь своих детей, которые мстят ему за это равнодушием, презрением. Прекрасна в спектакле мизансцена: тесно прижавшись друг к другу, полукругом, сидят дети Гарпагона и его гости и издеваются над хозяином, обманывают его, следя за ним насмешливыми, холодными глазами. А он—сгорбленный, размахивая худыми руками, бегаёт, точно по клетке, старается улыбаться гостям, не замечая, что над ним смеются, стараясь показать себя щедрым хозяином и в то же время дрожа над каждой мелочью.

Высоко комичен выход Гарпагона на улицу в сопровождении слуги с корзиной: скупой, прикрывшись обтрепанным плащом, опираясь на посох, с высокомерной улыбкой шествует по улице, и вдруг замечает на земле тряпку, кусок старой подошвы, обрывок веревки. Глаза старика загораются молодым блеском, лицо светится радостью, он подбегает к находке, подцепляет ее посохом, любит, отправляет в корзину и спешит дальше, чтобы найти еще что-нибудь, столь же драгоценное.

А вот другая сцена. Слуги, повинаясь приказу сына Гарпагона, приносят гостям блюда с фруктами. Гарпагон в отчаянии смотрит на процессию слуг, каждый из которых несет блюдо, пытается их остановить, потом изловчившись, хватается с каждого блюда яблоко или грушу, торопливо прячет и утешается хотя бы этим... Такое внешнее заострение, такие мизансцены органически вытекают из всего строя мольеровской комедии, раскрывают авторский замысел, вполне соответствуют реалистической сущности пьесы Мольера.

«Скупой»—не единственная классическая комедия, идущая сейчас на

сцене театра. По извилистой, зеленой лесной дороге скачут три всадника. Нервные, сильные руки Петруччио натягивают поводья гарцующего, горячего коня. За ним следует норовистая, но хорошо выезженная лошадка Катарини, за ней — меланхолический мул Грумио. На сцене нет ни леса, ни дороги, ни всадников. На фоне потрепанного занавеса, на детских палочках-лошадках скачут актеры. Но Ш. Айманов — Петруччио, Х. Букеева — Катарина, С. Тельгараев — Грумио настолько живо, увлеченно действуют в своих образах, что мы, затаив дыхание, следим за их героями. Спектакль «Укрощение строптивой» поставлен Б. Бибиковым и О. Пыжовой около десяти лет тому назад, давно износились его костюмы, полиняла декорация, но продолжает трогать и волновать зрителей «душа спектакля» — предельно искренняя игра актеров.

И когда смотришь эти классические пьесы в казахском театре, то думаешь о том, что особенно интересно, сильно и убедительно может быть поставлена на сцене этого театра современная национальная комедия, раскрывающая отрицательные явления нашей жизни, бичующая пережитки прошлого, живущие еще в сознании некоторых людей.

Очень многое в новой постановке театра — «Цвети, степь!» А. Тажибаева радует находками, характерными именно для сатирической комедии.

Доярка Уйсуйген (Р. Койшибаева) давно пришла в колхоз, давно жизнь фермы, жизнь каждого новорожденного теленка стала ей куда дороже собственного хозяйства. Одного не может преодолеть в себе «правовверная» Уйсуйген — отвращения к свиньям, которых мусульмане считают нечистыми животными. Поэтому, когда к ней приходит ее сестра, свинарка Токбике (С. Майканова), Уйсуйген задыхается от гнева, а потом начинает пронзительно кричать, призывая на голову сестры проклятия аллаха... И чем громче, чем яростнее кричит толстая Уйсуйген на сухонькую, тихую Токбике, тем яснее становится, что она старается этим криком скрыть от аллаха, в которого по привычке продолжает верить, свою любовь к Токбике. Великолепно подмеченная черта нового казах-

КАЗАХСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР ДРАМЫ.
«Цвети, степь!». Тельгара — К. Бадыр.
Жапас — К. Куанышпаев.